

Роза Х. ТУГУШЕВА

Санкт-Петербург

Особенности исторического развития лексики чешского и словацкого языков

Чешский и словацкий языки относятся к близкородственным славянским языкам, генетическая и типологическая близость которых усилена общественно-политической, экономической и духовной близостью двух славянских народов, чехов и словаков, в процессе их исторического развития.

Заемствования отражают в системе номинаций профилирующую для человеческого сознания когнитивную корреляцию «свой – чужой», сближающую человека со всей живой природой вообще. В связи с активизацией процесса заимствования в последнее десятилетие XX века иноязычная лексика исследуется чрезвычайно активно как в российской, так и в чешской и словацкой лингвистике. По сравнению с предшествующим периодом изучения чужих слов в своем языке в сегодняшних исследованиях уделяется внимание ранее слабее освещавшимся социально-психологическим причинам и факторам заимствования:

Вообще, по-видимому, можно говорить о некоей отмеченности, выделенности иноязычного слова не только в языке [...], но и в сознании говорящих: во-первых, иноязычное слово связано с книжностью – книжной культурой, книжным стилем языка, книжной стилистической окраской; во-вторых, вследствие иноязычности, «непрозрачности» формы смысл его для многих говорящих нередко оказывается как бы зашифрованным, непонятным; в то же время (в-третьих) эта непонятность служит символом недоступной учености, почему и речь, содержащая иноязычные слова, часто расценивается как социально престижная (Крысин 1996, с. 147).

Представляется, что в основе „отмеченности” и „выделенности” иноязычного слова в сознании говорящих лежит закодированность в человеческой памяти особого восприятия чужого, которое часто ассоциируется и с новым. В словах, обозначающих чужие и новые предметы, человеческий слух, который в древности был более обостренным, также улавливал нечто специфическое, что не было свойственно его собственному языку: особые звуки, их отличительную дистрибуцию, последовательность, сочетаемость, окраску, тональность, длительность, интонацию и т.д., не говоря уже о семантике – по сравнению со своим языком.

Заемствованная лексика чешского и словацкого языков отражает причастность чехов и словаков к мировой цивилизации. Заемствованное слово рождается в результате контакта. История контактов чешского и словацкого языков проходит путь от прямых, устных, неосознанных и добровольных сношений с представителями других народов и языков до прямо противоположных – опосредованных, письменных, осознанных и недобровольных связей.

Иноязычная лексика очерчивает геополитическое и духовное пространство, осваиваемое носителями чешского и словацкого языков в процессе их исторического развития. Появление и функционирование большого числа германизмов в чешском и мадьяризов в словацком связано с былым могуществом Габсбургской, Венгерской и, наконец, Австро-Венгерской монархий, в состав которых в прошлом входили Чехия и Словакия. По сравнению с германизмами в чешском и мадьяризмами в словацком иное положение в исследуемых языках занимают заимствования из латинского языка, который связывал чехов и словаков с обще-европейскими духовными ценностями, развивающимися в направлении от религии к науке и искусству как высших сфер познания мира.

Представляется, что насыщенность словаря иноязычными элементами в процессе исторического развития языка в значительной степени связана с уровнем развития национального самосо-

знания его носителей. Ярчайшим подтверждением этого может служить факт ничтожно малого числа мадьяризмов в современном словацком языке, по сравнению с его прошлым.

1. Основные заимствования в составе лексики современного чешского и словацкого языков: латинизмы, германизмы и мадьяризмы

У латинизмов чешского и словацкого языков отмечается прежде всего древность проникновения этих заимствований, так как латынь была первым литературным языком чехов и словаков. С самого возникновения славянской письменности латынь для чехов и словаков служила языковым образцом, эталоном для выражения специальных научных и философских понятий и представлений человека, которые в их собственных языках сначала не имели вербальных проявлений. Чехам среди славян принадлежит первенство в создании самых ранних латинско-славянских вокабуляров, каковым является, например, оригинальный рифмованный латинско-чешский словарь магистра Бартоломея из Хлумца по прозвищу Кларет, составленный им с учениками во второй половине XIV в. с целью ознакомления молодых священнослужителей с современной им терминологией не только на латыни, но параллельно и на родном чешском языке. Данный словарь, подобно латинско-чешским тезаурусам последующих веков, например, созданным Даниэлем Адамом из Велеславина, показывает, что латынь для чехов в средние века была не только языком культа и науки и не только предметом изучения и обучения в школах, но служила и мерилем развития чешской лексики. На латыни наряду с чешским языком писали Ян Гус и Ян Амос Коменский, но если Гус обогащал письменность на своем родном чешском языке главным образом чешскими же новообразованиями, то Коменский отдавал предпочтение заимствованиям, которые, однако, использовал в целях стилистической дифференциации чешского языка своих произведений; чешские неологизмы

у него встречаются в сочинениях высокого библейского слога, в то время как заимствования – в стилистически более сниженных специальных текстах. В целом же Я.А. Коменский писал на латыни преимущественно в эмиграции, и исследователи языка его трудов отмечают, что ученый не считал латынь языком в лексическом отношении богаче чешского (Němec 1970, с. 315).

Более сильное воздействие оказала латынь на долитературные формы словацкого языка, первые письменные памятники которого восходят к началу XV в. В отличие от чехов, имевших после латыни уже с конца XIII в. в качестве второго литературного языка свой родной язык, основу которого составил среднечешский диалект, словаки начали использовать в качестве своего второго литературного языка не письменные варианты своего собственного языка, а близкородственный чешский язык. И только позднее, в XVI–XVIII вв., наряду с чешским языком функции литературного языка у словаков начинает выполнять письменная, или культурная, форма словацкого языка в трех вариантах – западнословацком, среднесловацком и восточнословацком (Kotulič 1982, с. 93) – однако, все еще параллельно с латынью.

Анализ исторической лексики чешского и словацкого языков показывает, что в прошлом латинизмов в словацком языке было больше, чем в чешском: почти каждый чешский латинизм представлен и в словацком языке, чего нельзя сказать о словацких латинизмах по отношению к чешскому языку. Словацкие источники XVI–XVIII в. содержат такие латинизмы, которые или отсутствуют в чешских исторических словарях (*kauza, moneta*) или встречаются лишь у отдельных чешских деятелей культуры (*discipulus, disciplina* в произведениях Я.А. Коменского). Некоторые латинизмы, засвидетельствованные в словацком средневековом лексическом фонде (*fámy, gustus, kalamita, laborant, lamentácia, morózny*), в чешских словарях оказались позднее. В чешском языке этого же периода подобные латинизмы или уже были вытеснены другими наименованиями (вместо *discipulus*, например, стало употребляться слово *žák*, а слово *disciplina* заменено сло-

вом *kázeň*), или отошли к другим стилистическим пластам в соответствии со строгими критериями литературной нормы. В настоящее время латинизмы представлены в значительной мере не только в терминологической сфере чешского и словацкого языков, но и в их общеупотребительной лексике. Это типичный знак мира *Slavia Latina* с его литературно-языковым гетерогенным двуязычием в древности на одной и той же территории (Толстой 1988, с. 132). Несмотря на то, что множество латинизмов прошлого выпало из словацкого, равно как и из чешского языка, тем не менее вследствие большей длительности использования латыни у словаков в современном словацком языке функционирует больше общеупотребительных латинизмов, чем в чешском. Неизменно обширной для словацких латинизмов остается база народной речи, что подтверждается их активным употреблением в диалектах (Habovštiak 1983, с. 79–94). Из одних только латинизмов в современном словацком языке, в отличие от чешского, сформированы сегодня некоторые тематические группы слов, например, названия месяцев (Palkovič 1974, с. 241; Majtán 1970, с. 156–158).

Самой первой, однако, влиянию латинского языка подверглась культовая сфера чешского и словацкого языков (примером могут служить чешское *kurace* и словацкое *kántry*). К древнейшей терминологии относятся также слова из области права, функционирование которых можно проследить на примере чешского слова *desátek* и словацкого *dežma*. Латинским влиянием отмечены также школьная, канцелярская и административная терминологии чешского и словацкого языков (примером служат лексико-семантическое развитие чешского *tužka* и его словацкого эквивалента *ceruza*).

Один к тот же латинизм в чешском к словацком языках имел своеобразную линию развития. На изменение формы и семантики заимствованного слова влияла как модификация самой реалии и связанного с ней понятия, так и специфика языковой ситуации, что показывают наблюдения за становлением разных наимено-

ваний воротника в современном чешском (*limes*) и словацком (*golier*) языках.

Чешские латинизмы, в отличие от словацких, в процессе исторического развития испытали на себе косвенное воздействие пуристических тенденций, направленных главным образом против германизмов, среди которых было много слов латинского происхождения, так как немецкий язык в прошлом тоже активно заимствовал слова из латыни.

Чехи и словаки в процессе своего исторического развития заимствовали латинизмы как прямо из латинского языка, так и через другие языки. Для чешского языка таким языком-посредником в прошлом выступал главным образом немецкий язык, в то время как в словацкий язык латинизмы проникали не только из немецкого, но еще из венгерского и чешского языков. Из чешского языка в словацкий латинизмы проникали преимущественно через письменность. Этим можно объяснить наличие в словацком языке дублетных форм некоторых латинизмов, одна из которых является исконно словацкой, а вторая – заимствованной из чешского, например, ч. *berla* – сл. *barla, berla*. В отличие от германизмов или мадьяризов, латинизмы заимствуются чешским и словацким языками и в наши дни, однако уже через англо-американское посредничество (ч. *brifink, briefing* – сл. *brífing*).

Если через словацкий язык в процессе его исторического развития прошло большее число латинизмов, то чешский язык характеризуется прежде всего более значительным, по сравнению со словацким языком, числом германизмов, которые вместе с тем далеко не были чужды и словацкому языку. Чешские и словацкие германизмы сравниваются главным образом на уровне формы (ч. *roura* – сл. *rúra*), морфологической структуры (ч. *fuks* – сл. *fukso*), смыслового содержания (ч. *plac* – сл. *plac*), коннотаций (ч. и сл. *plech*), стратификационном уровне (ч. и сл. *fuška*) и по некоторым другим параметрам чешско-словацких соответствий ч. *mnich* – сл. *mnich*, ч. *pusa* – сл. *bozk*, ч. *cihla* – сл. *tehla*).

Особую близость чешского и словацкого языков подчеркивают абсолютно тождественные по форме и значению германизмы, которых в этих языках значительно больше, по сравнению с другими славянскими языками (ч. и сл. *šaty, biskup, žula, deka, cvok*). Подавляющее же большинство чешских и словацких германизмов разнится по форме. При этом фонографические отличия часто бывают обусловлены этимологическими (ч. *barva* – сл. *farba*), просодическими (ч. *ryha* – сл. *ryha*), фонетическими (ч. *žert* – сл. *žart*) особенностями звукового строя чешского и словацкого языков, влиянием языка-посредника (ч. *dort* – сл. *torta*), спецификой самого немецкого словообразования (ч. *bruclék, brunetek, bruslek* – сл. *bruclík, brusliak, pruslík, prusliak* – от нем. *Brustfleck*) или тем, в какой форме, устной или письменной, заимствовалось слово (ч. *permon* – сл. *permoník* – от нем. *Bergman*). Об активности проникновения слов из немецкого языка в чешский и словацкий языки в прошлом свидетельствует также и тот факт, что среди чешских и словацких германизмов встречаются не только существительные, как это можно наблюдать у мадьяризмов и отчасти у латинизмов, но и слова из разных частей речи (ч. *děkovat, hurtem* – сл. *d'akovať, hurtom*; ч. и сл. *plechový*), которые нередко обнаруживают специфику в способах их включения в морфологическую и словообразовательную системы чешского к словацкого языков (ч. *lermo* – сл. *lerma*).

Довольно часто различия чешских и словацких германизмов по форме сопровождаются несовпадениями и на лексико-семантическом уровне, что проявляется как у однозначных (ч. *žemle* – сл. *žemľa*), так в особенности и у многозначных (ч. и сл. *hák*) германизмов. Сравнение чешских и словацких германизмов по их смысловому содержанию позволяет отметить, что полисемия германизмов, равно как и лексика в целом, в более значительной степени характерна для чешского языка, чем для словацкого (ч. и сл. *hemlín, lauf, hábán*, ч. *škeble* – сл. *škebra*), что, как представляется, можно объяснить более многообразным и активным использованием чешского языка его носителями в средневековой

письменности различных жанров по сравнению со словацким языком, на котором его носители в силу неблагоприятных общественно-политических условий в прошлом писали мало.

Судьба же германизмов в процессе исторического развития двух анализируемых близкородственных языков оказалась сходной: под влиянием роста национального самосознания чешского и словацкого народов происходит полное забвение многих чешских и словацких германизмов или оттеснение их на периферию лексико-семантических систем, что также имеет свою специфику в каждом из этих двух языков, в результате чего некоторые близкие по форме и семантике чешские и словацкие германизмы сегодня обладают несовпадающими коннотациями (ч. *verpánek* – сл. *verpánok*, ч. и сл. *fuška*). Множество чешских и словацких германизмов осело в диалектах этих языков, где они преимущественно соотносятся с терминологией производства и ремесл.

Вопреки пуристическим тенденциям, проявившимся в отношении германизмов у носителей чешского языка в конце XIX и начале XX веков и способствовавшим вытеснению большого числа немецких слов, в общеупотребительном чешском языке в настоящее время сохраняется больше германизмов, чем в словацком, развитие которого в свою очередь в указанный период также ознаменовалось негативным отношением, однако, не к германизмам, как в чешском, а к мадьяризмам.

Особенностью словацкой лексики является наличие в ней несколько большего числа мадьяризмов, чем в чешском языке, что объясняется политическим господством Венгрии над Словакией на протяжении ряда веков. Однако если в чешском языке мадьяризмы выступают главным образом как экзотизмы (ч. *tušalaj*) или диалектизмы, т.е. словакизмы (ч. *čížmá*), то в словацком языке многие заимствования из венгерского языка служат живыми и широко распространенными общенародными наименованиями (сл. *gombík, chýr*).

2. Стилистически маркированная лексика современного чешского и словацкого языков

Архаичная лексика – это несущая, опорная конструкция в корпусе словаря, развивающегося во времени. Развитие словарного состава языка во времени сопровождается двумя диалектически противоположными процессами – утратой старых слов и появлением новых наименований.

Уход слов из языка как в российской, так в чешской и словацкой лексикологии изучается в рамках главным образом историзмов и архаизмов. Подобно российским исследователям процесса забвения слов многие чешские и словацкие лексикологи, такие, например, как Гаузер, Ондрус и др., трактуют историзмы как слова, обозначающие исчезнувшие реалии, а в архаизмах видят слова, вытесняемые из языка современными эквивалентами. В приведенных определениях историзмов и архаизмов обращает на себя внимание отсутствие в формулировках единого критерия: у историзмов акцент делается на реалиях, а у архаизмов – на собственно языковом аспекте. Представляется, что это связано с трудностями соотнесения диахронизма, с одной стороны, с реальным временем, которое можно рассматривать как континуальную категорию, и с другой – с историческим или языковым временем, выступающим как дискретная сущность. Полагаем, что в историзмах и архаизмах можно увидеть звенья одной временной цепи, отражающей развитие мира, человеческого мышления и языка в человеческом сознании: историзмы – это более отдаленная по времени и преимущественно чужая по характеру действительность, которую носители чешского и словацкого языков осваивают из научной дисциплины – истории; архаизмы – это более близкая по времени, уже своя, отечественная по характеру действительность, отраженная в памятниках письменности. И, наконец, прошлое не ограничивается отражением его в историзмах и архаизмах, но существует и в настоящем, подтверждением чего является наличие в современной лексике чешского и словацкого

языков слов типа *husita* или *jánošikovec*, которые носители чешского и словацкого языков сегодня соотносят главным образом уже не со временем, а с обобщенно-философским мировоззрением. Время здесь как бы навечно застывает в форме слова. Чаще всего это происходит со словами, образованными от имен собственных.

В целом архаичная лексика чешского к словацкого языков в данной работе рассматривается в традиционном аспекте, т.е. в рамках существующей ее классификации, а именно – историзмы, архаизмы, а среди последних – фонетические, словообразовательные, лексические и семантические архаизмы. Некоторая новизна в исследовании архаичной лексики как представляется, заключается в том, что историзмы и архаизмы, которые хоть и анализируются преимущественно же в традиционном системно-структурном плане, тем не менее рассматриваются главным образом как средства сохранения и консервации накопленных человеком знания о мире.

Е.С. Кубрякова пишет, что:

[...] номинативный акт [...] следует рассматривать прежде всего как акт формирования и акт фиксации языковой формой – словом – определенной концептуальной структуры, структуры знания (*Язык и культура...* 2001, с. 284).

Исходя из нашего материала можно отметить, что фиксация структуры знания заключается в свертывании в человеческом мозгу этой структуры знания в слово как в определенную форму или в тело, что сопровождается превращением знания в значение слова или в интерпретанту. Но это свертывание, как представляется, характерно прежде всего для синхронии, т.е. точного по времени момента возникновения слова. По истечении времени слово теряет актуальность своей мотивированной на момент появления формы, что для более позднего по времени, т.е. современного восприятия компенсируется, наоборот, развертыванием исходной структуры знания. На это указывают наблюдения за значениями историзмов и архаизмов чешского и словацкого языков, дефиниции которых носят обязательный энциклопедичес-

кий характер, в котором это развертывание структуры знания и находит, на наш взгляд, отражение. Морфолого-словообразовательный и лексико-семантический анализ парадигматических и синтагматических отношений историзмов и архаизмов в системе чешского и словацкого языков, позволил выявить некоторую их, диахронизмов, изолированность от действующей системы по сравнению с синхронизмами, т.е. актуальными для настоящего времени единицами словаря, что находит проявление в ущербности набора возможных производных от историзмов и архаизмов, отсутствии у них синонимов и антонимов, относящихся к тому же самому временному срезу, что и сами историзмы и архаизмы, и в других признаках, превращающих их со временем в средства сохранения и консервации накопленных чехами и словаками знания в процессе их исторического развития. Таким образом, историзмы и архаизмы, как представляется, существуют в языке для отражения непрерывности времени в человеческом сознании носителей языка. Историзмы фиксируют наиболее удаленную по времени действительность, т.е. это действительность вне их собственного опыта, которую они постигают через посредство исторической науки. Архаизмы, в противоположность историзмам, – это уже более приближенное к нам реальное время, соотнесенное уже с собственным опытом чехов и словаков. В IX в. чехи и словаки приобретают свою собственную историю, с которой реальное время у них превращается в историческое и в то же время сливается и с языковым временем. При этом, вероятно, историческое время больше соотносится с языком вообще, а языковое – с его литературной формой. Чем древнее письменная форма языка, тем, вероятно, более неразрывно отражается в сознании носителей языка связь исторического и языкового времени, что характерно для осознания времени чехами, у которых историческое время сливается с языковым. У словаков в X в. в силу неблагоприятных условий их общественно-политического развития наступает разрыв между историческим и языковым временем и как результат этого – последующее отставание

языкового времени от исторического (что связано, на наш взгляд, с не совсем четкой дифференциацией историзмов и архаизмов словацкого языка), нашедшее отражение в лексикографической практике. После восстановления этого разрыва время в языковом сознании словаков развивается более ускоренными темпами, по сравнению с языковым сознанием чехов. В этой связи симптоматичным является тот факт, что именно словацкие лингвисты в настоящее время обсуждают вопрос о причислении к историзмам и архаизмам уже слов 50–80-х годов XX в., таких, например, как *zväzák* ‘комсомолец’, *päťročnica* ‘пятилетка’, *zahumienok* ‘приусадебный участок’, *združstevniť* ‘кооперировать, обобществить’ и многие другие (Skladaná 1995). Из этого следует, что для каждого национального сознания характерно свое ощущение времени.

Историзмы современного чешского и словацкого языков рассматриваются прежде всего в рамках, с одной стороны, общих по форме для двух языков историзмов (ч. *legie* – сл. *légia*) из которых не все, однако, всегда совпадают в них по семантике (ч. и сл. *čamara*), и индивидуальных для каждого языка в отдельности обозначений реалий прошлого (ч. *knap*, *had* – сл. *bethlenovec*). Указанные группы историзмов, общих и расходящихся, далее выделяются внутри иных классификаций историзмов по разным параметрам. Чешские и словацкие историзмы предстают, например, как исторические экзотизмы, обозначающие реалии чужой действительности (ч. и сл. *kolonát*), исторические энциклопедизмы, соотносящиеся со своей, отечественной историей (ч. и сл. *mlat*) и собственно историзмы, т.е. термины исторической науки (ч. *hláska* – сл. *raľa*). По степени включенности в лексико-семантическую систему современного чешского и словацкого языков историзмы определяются как лексические, т.е. моносемичные, наиболее изолированные от системы лексико-семантических отношений современного чешского и словацкого языков (сл. *klopadlo*), и семантические, имеющие более одного значения и соотносящиеся с обозначениями также реалий сегодняшнего дня (ч. *klepadiö*). Наблюдения показывают пропуск чешском, вслед-

ствии чего в чешском языке преобладает полисемия историзмов (ч. *talent*), а в словацком омонимия (сл. *talent*).

Для историзмов характерна специфическая темпоральная полисемия, т.е. полисемия на оси времени, когда название исторической реалии, относящейся к одной эпохе, переносится на реалию другого времени, которая осознается носителями языка как та же самая в своей основе или близка ей, или похожа на нее (ч. *kurie* – сл. *kúria*).

Весьма показательной для раскрытия характера изменений во времени формы слова и его семантики представляется наиболее обширная, пожалуй, по объему группа чешских и словацких диахронизмов, связанная с обозначением производственной и торговой деятельности людей в прошлом. По форме многие из этих наименований являются абсолютно актуальными образованиями. Семантика их, однако, часто не соответствует последним по объему выражаемого понятия.

Широкое понятие в прошлом выражали, например, слова, образованные от конкретных предметных существительных, при помощи суффиксов ч. *-ář/-ář/-iř* и сл. *-ar/-ár/-iar*, которые носителями анализируемых языков сегодня оцениваются как историзмы в более узком значении, например, ч. *koničkář* ‘владелец карусели’, *konvář* ‘производитель кофейников и литой посуды вообще’, *češiř* ‘производитель чашек’, *řešetář* ‘производитель и продавец решет’, *čajař* ‘уличный продавец чая’, *mandlář* ‘продавец миндаля’; сл. *kopytár* ‘производитель колодок для обувщиков’. Архаизация носителями современного чешского и словацкого языков приведенных наименований, вопреки актуальности словообразовательного средства, объясняется прежде всего тем, что эти слова соотносятся не с общественной собственностью, при которой карусель не может принадлежать отдельному лицу, а с частной собственностью (*koničkář*), что они отражают не общественное производство, которое, как правило, отчуждено, удалено от глаз потребителей и не связано непосредственно с продажей, а частное производство (ч. *konvář*, *řešetář*, сл. *kopytár*), и наконец, что

они ассоциируются не с общественной торговлей, не дифференцированной в отношении происхождения товара – отечественного или импортного, а с частной торговлей (*čajář, mandlář*). Следовательно, указанные диахронизмы соотносятся совсем с другой действительностью, а именно – действительностью эпохи первоначального капитализма, основанной на частной собственности на средства производства, когда каждый человек с целью обеспечения средств для своего существования чем-то владеет, что-то приобретает или производит на продажу и сам же это продает. В одном лице, таким образом, в прошлом сочетались владелец, производитель и торговец; что выражалось указанными историзмами, каждый из которых заключал в себе обобщенное понятие человека, обеспечивающего свое существование владением, производством и продажей чего-либо.

Вышеприведенные диахронизмы показывают также, что некоторые из них образованы от существительных, которые обозначают уже готовый продукт производства (ч. *koničky* ‘карусельные кони’, *číše* ‘чаша’, *konva* ‘кофейник’; сл. *kopyto* ‘колодка’), причем архаичные наименования ремесленников, производящих более сложные изделия, требующие приобретения специального сырья и технических средств для их изготовления, содержат в своей семантике только признак производства (ч. *konvář* – сл. *kopytár*), в то время как, например, ч. *řešetář*, образованное от названия продукта, изготавливаемого из сравнительно доступного материала при помощи несложной операции плетения, включает в свое смысловое содержание также и признак торговли, т.е. продажу. Другие же архаичные наименования (ч. *čajář, mandlář*), образованные от существительных, обозначающих импортный для чехов и словаков продукт, не производящийся в их землях, содержат в своей семантике только признак торговли. Это обстоятельство отражает тот факт, что собственно торговля в древности соотносилась только с продажей купленной в других местах заграничной продукции.

Таким образом, в процессе исторического развития материальной действительности слова, которые в прошлом выражали обобщенное понятие человека, существующего за счет того, что он владел, производил и продавал то, что было представлено в корне его наименования, сегодня воспринимаются лишь в частичном, ограниченном смысловом объеме или вытесняются другими словами, выражающими этот новый фрагментарный смысл. Все это свидетельствует о распаде былого смыслового единства.

Невыраженность значения историзмов одним словом в процессе исторического развития связана с их словообразовательным типом и развитием самих понятий, которое идет в направлении от синкретизма, нерасчлененности, широкого объема к расчленению, сужению, дифференциации. Носители современного чешского языка архаичными считают, например, слово *bálovník* ‘участник бала’ (от глагола *bálovati* ‘принимать участие в бале’) и его синоним *bálečník* ‘участник маленького бала’ (от уменьшительного *bálek* ‘маленький бал’). Хотя вместо *bál*, заимствованного в прошлом носителями чешского языка из немецкого или французского, сегодня чаще употребляется исконно славянское слово *ples* (ср. рус. *пляс, плясать*), *bálovník* и *bálečník* сегодня вытеснены не производными от *ples*, а описательным, по существу, номинативным словосочетанием *účastník bálu*. Архаизации слов *bálovník* и *bálečník*, вероятно, способствовало не только то, что сейчас балов, очевидно, меньше, чем было раньше, но и дифференциация понятий целого и части в отношении занимающегося чем-либо лица, что сопровождалось выделением в словообразовательной системе чешского языка категории „участник чего-либо” и было связано с изменением семантики ключевого, родового, обобщающего слова этой категории – *účastník* от ‘пайщик’ к ‘соучастник’. Образование наименований, подобных *účastník*, в свою очередь было использовано для дифференциации уровней языка и речи, что отразилось на переоценке стилистического характера слов: если в прошлом *bálovník* и *bálečník* были стилистически нейтральными, то в настоящее время они воспри-

нимаются как неофициальные наименования в противоположность официальному выражению на уровне языка *účastník bálu*. С другой стороны, в древнечешском языке, например, словом *létavec* можно было выразить общее понятие 'кто летает', в то время как в современном чешском языке пока еще нет слова, которое бы выражало указанное обобщенное понятие. Носитель древнечешского языка знал мир, в котором летали птицы, насекомые, рыбы (выскакивающие из воды), бумажные змеи, между тем как сегодня летают люди, самолеты, космические корабли, НЛО, в результате чего архаизм *létavec* сегодня уже не покрывает всего объема знаний носителя современного чешского языка о том, кто и что проявляет способность к полету в настоящее время.

Таким образом, развитие определенного смысла во времени идет по пути „сворачивания” его в слово, что можно наблюдать на изменении характера энциклопедических значений историзмов – от широких описаний до раскрытия, по существу, их языкового словообразовательного значения.

С течением времени слово меняет форму и значение. Изменения формы слова отражают фонетические, словообразовательные и лексические архаизмы, в то время как с изменениями значения слова связаны семантические архаизмы.

Фонетические архаизмы в языке возникают вследствие образования звуковых вариантов в процессе развития фонетического строя собственного языка или звукового освоения заимствованных слов, которые при этом могут подвергнуться смысловой или стилистической дифференциации, по сравнению с предшествующей или уже существующей формой. Такое соотношение фонетических систем, которое сложилось в современном чешском и словацком языках, т.е. когда некоторые архаичные элементы чешской фонетики получили статус современных в словацком языке, вероятно, и определило тот факт, что число одинаковых фонетических архаизмов на общем фоне минимально (ч. арх. *krojiti* – сл. арх. *krojít*; ч. акт. *krájet* – сл. акт. *krajat*). Анализ показывает, что в чешском языке больше фонетических архаизмов, об-

условленных развитием фонетического строя самого чешского языка (ч. арх. *smíti* – ч. акт. *směti*), в то время как в словацком языке преобладают фонетические архаизмы, связанные с заимствованием слов из другого языка и, в частности, из чешского (ч. акт. *klíčit* – сл. арх. *klúčit*). Смысловая же и семантико-стилистическая дифференциация вариантных архаичных форм также больше характерна для чешского языка, чем для словацкого (ср. ч. акт. *synik* и *kynik* – сл. арх. *kynik* и акт. *synik*).

Словообразовательных архаизмов в чешском и словацком языках значительно больше, чем фонетических. В процессе исторического развития корневые слова превращаются в производные (ч. и сл. арх. *rez*; ч. акт. *ořízka* – сл. акт. *oriezka*), в языках постоянно происходит смена мотивации и изменение производящих основ (ч. и сл. арх. *cvičba*; ч. акт. *cvičení* – сл. акт. *cvičenie*), претерпевают изменения аффиксные морфемы и прежде всего суффиксы как наиболее продуктивный способ образования новых слов во все времена (ч. арх. *konice* – ч. акт. *konírna*; сл. арх. *čakalňa* – сл. акт. *čakáreň*), происходят постоянно протекающие в языках процессы опрощения, переразложения и усложнения производящих основ (ч. арх. *marnice* – сл. акт. *marnica*) и многие другие изменения морфологической структуры слова.

Словообразовательные архаизмы на фоне современных, генетически родственных им эквивалентов отражают эволюционное развитие языка во времени под воздействием изменений в реальной действительности, в человеческом сознании, а также в словообразовательной системе самого языка, в процессе чего происходит постепенное обновление как материальной структуры слова, т.е. его формы, так и содержания, что в свою очередь способствует восполнению словарного состава языка за счет утрачиваемых слов. Анализ словообразовательных архаизмов и сравнение их с актуальными соответствиями показывает, что старое содержание со временем может приобрести новую форму, что отражает процесс исторического развития вообще, проявляющийся, с одной стороны, в сохранении преемственности старого,

исконного, а с другой – в постоянном обновлении этого старого, что вместе и составляет развитие и движение вперед во времени. При этом обращает на себя внимание факт безусловного преобладания среди словообразовательных архаизмов чешского и словацкого языков, в отличие от лексических, во-первых, исконно славянских по происхождению образований или древнейших заимствований, которые в настоящее время воспринимаются носителями чешского и словацкого языков своими, и во-вторых, слов, относящихся к самым разнообразным частям речи. Все это позволяет отметить, что развитие и обогащение лексики национального языка во времени обеспечивается в первую очередь собственными исконными словообразовательными средствами, а не заимствованиями.

Основную линию развития лексики чешского и словацкого языков во времени составляет постепенная утрата старых слов за счет вытеснения их совершенно новыми актуальными наименованиями. На смену лексическим архаизмам приходят заимствования, преимущественно из латинского, немецкого и венгерского языков или собственные славянские новообразования. На примере некоторых тематических групп и синонимических рядов можно проследить особенности функционирования лексических архаизмов в рамках лексико-семантических систем древнечешского и древнесловацкого языков, а также причины, вызвавшие архаизацию: забвение внутренней формы слова (ч. арх. *capouch* – ч. акт. *komín*; сл. арх. *badadlo* – сл. акт. *pichliac*), семантико-стилистическое выравнивание с ближайшим синонимом с последующей утратой специфических особенностей функционирования (ч. арх. *berně* и сл. арх. *berňa* – ч. и сл. акт. *daň*), сужение семантики в результате терминологизации (ч. арх. *dlužník* и сл. арх. *dlžník* – ч. акт. *věřitel* и сл. акт. *veriteľ*), развитие наук и увеличение знаний человека о мире (ч. арх. *babictví* и сл. арх. *babičstvo* – ч. акт. *porodnictví* и сл. акт. *pôrodnictvo*) и др. Процесс архаизации лексики чешского и словацкого языков в процессе их исторического развития содержит больше сходных аспектов в узкой

сфере литературного языка (ч. арх. *cirkulář* и сл. арх. *cirkulár* – ч. и сл. акт. *oběžník*) и наоборот, больше специфического в общенародной речи (ч. арх. *cestovník* – ч. акг. *poutník*; сл. арх. *cestné* – сл. акт. *cestovné*).

Семантические архаизмы отражают специфическое видение носителями чешского и словацкого языков всего того, что уже имеет в их языках общеизвестное наименование, или того, что они увидели или осознали впервые и что впоследствии закрепились в общественном сознании их народа. Максимально приближенные по форме и значению семантические архаизмы современного чешского и словацкого языков относятся преимущественно к официальной сфере использования своих языков чехами и словаками в прошлом и представляют собой обозначения, например, денег (ч. *cedule* и сл. *ceduľa* ‘бумажная купюра’), социальных отношений (ч. *děvečka, děvka* и сл. *dievka* ‘служанка’), устройства общественной жизни (ч. и сл. *beseda* ‘общество’), атрибутов моды (ч. *cibule* и сл. *cibuľa* ‘карманные часы’) и др. Отличия сходных по форме и значению чешских и словацких семантических архаизмов касаются больше слов из неофициальных сфер жизни и заключаются в неодинаковой позиции одного и того же архаичного значения в смысловой структуре слова в целом. Современное чешское слово *hádka*, например, имеет сегодня три значения: 1 акт. ‘ссора’; 2. арх. ‘спор, дискуссия’; 3. арх. ‘загадка’. Эти же три значения в современном словацком языке распределяются между двумя омонимами: *hádka*₁ 1. акт. ‘ссора’; 2. арх. ‘спор, дискуссия’ и *hádka*₂ ‘загадка’, которое более характерно для народного языка. Современное ч. и сл. *hádka* в архаичных значениях сегодня вытеснено одинаковыми для чешского и словацкого языков актуальными наименованиями: в значении ‘спор’ – словами ч. и сл. *debata, polemika*, ч. *diskuse* и сл. *diskusia*, в значении ‘загадка’ – ч. и сл. *hádanka*. Главное отличие между чешским и словацким языками в данном случае заключается в том, что смысловой комплекс *hádka* в сознании носителей чешского языка живет в неразрывном единстве его старых и но-

вых значений, что проявляется в более емкой чешской полисемии, в то время как носители словацкого языка ощущают старые и новые осмысления более разобщенно, не так тесно связанными друг с другом, что находит отражение в словацкой омонимии.

В целом в словацком языке, по сравнению с чешским, значительно меньше семантических архаизмов, особенно таких, которые возникли на основе восприятия окружающего мира посредством органов чувств, прежде всего зрения, или образного представления, например, ч. *sakan* 'виселица' или сл. *bič* 'скрипичный смычок'.

3. Книжная лексика современного чешского и словацкого языков

Анализ писем Я.Францисци-Римаковского (1822–1905), на чешском языке показывает, что деятелям словацкого национального возрождения при в целом отличном знании ими своего письменного, т.е. чешского языка, который они очень высоко ценили, было трудно на письме соблюдать все его правила. Удаленность чешского литературного языка от народной основы словацкого способствовала проникновению в письменный чешский язык словаков довольно многочисленных фонетических, морфологических и лексических элементов словацкого языка. Еще труднее, как представляется, словацким будителям давался чешский синтаксис. Словацкая интеллигенция непосредственно перед провозглашением словацкого литературного языка, так же, как и в первой половине XIX в. вообще, на письме строго придерживалась традиционных канонов чешского языка периода гуманизма, сложившихся под воздействием латинского языка. Главное отличие чешского языка от словацкого, отразившееся в анализируемой корреспонденции, заключается в том, что Й. Добровский кодифицировал историческую основу чешского языка, т.е. язык чешских памятников XVI в., в то время как Л. Штур — живую устную форму словацкого языка, что и обеспечило по-

следнему жизненность в обстановке усиления борьбы за национальное освобождение словаков.

Выделение книжной лексики в сознании носителей языка происходит на основе разграничения двух противоположных форм речи – устной и письменной. В свою очередь возникновение самого этого противопоставления носит исторический характер и неотделимо от истории формирования литературной формы языка.

Устная форма речи, основу которой составляет стилистически нейтральная лексика, ориентирована преимущественно на выражение конкретных понятий земной обыденной жизни, в то время как книжные слова – это главным образом средства выражения возвышенного, духовного содержания. Все высокое, духовное и отвлеченное от земного у славян в древности связывалось с религией, которая имела и свой особый язык. У древних чехов и словаков языком веры сначала была латынь, а позднее на короткое время им стал старославянский язык. Таким образом, выражение духовного смысла у чехов и словаков, так же как и у всех других славян, проходит путь от специфического, особого, самостоятельного, чужого языка до растворения в своем собственном языке. Вследствие этого также выделенность книжных слов близка отмеченной выше выделенности заимствованных слов. И недаром поэтому в разряд книжной лексики входит довольно большое число иноязычных слов, что особенно характерно для более раннего периода развития чешского и словацкого языков.

Книжные слова иностранного происхождения аккумулируют в себе достижения человеческой цивилизации. Каждое заимствованное книжное слово содержит в своей форме и семантике информацию о мировой культуре. Подавляющее большинство книжных заимствованных наименований в чешском и словацком языках составляют слова латинского происхождения, многие из которых относятся к европеизмам. На предпочтительность употребления латинизмов в сфере выражения духовного содержания указывает их широкая частеречная репрезентация, включающая

наименования всех трех основных частей речи: ч. *distinkce* – сл. *dištinkcia* ‘различие’, *optimálny* – сл. *optimálny* ‘оптимальный’, ч. *korespondovat* – сл. *korespondovat* ‘соответствовать’, ч. и сл. *titul* ‘причина’ (*z titulu* ‘на основании’), ч. *memorovat* ‘учить наизусть’ – сл. *dekorum* ‘формальное внешнее достоинство’. Значительное преобладание латинизмов в книжной лексике чешского и словацкого языков, так же как и в других славянских языках, отражает историческое развитие европейского сознания, в котором отложилась ассоциация высокого именно с языком, долгое время обслуживающим духовные сферы жизни на этом континенте вне конкуренции с другими европейскими языками. Намного меньше, по сравнению с латинизмами, в современном чешском и словацком языках высоких наименований немецкого происхождения, выступающих, как правило, в форме лишь существительных: ч. и сл. *los* ‘жребий’, *řek* ‘герой’; ч. *říše* – сл. *riša* ‘царство’. В связи с происхождением книжных слов интересно отметить, что в современном словацком языке нет почти ни одного возвышенного наименования венгерского происхождения. Весьма незначительное число германизмов среди книжных слов в чешском языке и почти полное отсутствие высоких наименований венгерского происхождения в словацком, подобных, например, слову *paloš* ‘меч’, на фоне в целом шире представленных германизмов и мадьяризов в общеупотребительной лексике соответственно чешского и словацкого языков свидетельствует о тесной связи выражения восторга или восхищения с чувством национального самосознания мастера слова, что связано также с оценкой общественно-политического воздействия на культуру совместно проживающих на одной территории на протяжении длительного периода народов.

Интенцией книжности является выражение духовного, что, собственно, прежде всего и отличает письменную речь от устной. Духовное соотносится с чувством прекрасного, составляющего фундамент эстетического освоения человеком окружающего ми-

ра. Книжные слова отражают художественное видение человеком мира, это средства выражения духовных смыслов.

Форма книжных слов указывает на максимальное использование мастерами словесного искусства возможностей своего языка. Выражение возвышенного нуждается как в деривационном наращении, т.е. в осложненных в структурном отношении словах и формах, например, ч. *oživovatel* – сл. *oživovatel'* ‘воскреситель’, ч. и сл. *šerosvit* ‘сумрак’, так и в деривационном опрощении, т.е. в самых коротких словах, например, ч. *bol* ‘боль’, *taj* ‘тайна’; сл. *bel* ‘белизна’, *triešť* ‘осколки’. Книжная лексика, подобно любому искусству, ярко обнаруживает тенденцию к выражению минимальными материальными средствами максимального духовного содержания. Поэты и писатели с целью наполнения слова наивысшим духовным смыслом как бы до предела оголяют его, высвобождают от материальной оболочки, тем самым как бы переводя всю его потенцию в передачу высокого содержания. Ведь с точки зрения носителей современного чешского и словацкого языков, вероятно, ничто так остро и пронзительно не выражает, например, состояние признака, как корневые слова ч. *trpyt* ‘блеск’, сл. *trysk* ‘галоп’ или изменение состояния посредством префикса *roz-* как минимальной частицы языка, передающей признак изменения состояния, например, у таких чешско-словацких книжных наименований, как *rozbroj*, *rozlet*, *rozpuk*. Стремление выразиться предельно точно и возвышенно побуждает мастера слова к изменению, например, числа или части речи привычных слов: ч. и сл. *šat* ‘одеяние’ на фоне обычного *šaty* ‘одежда’; ч. *šarlat* ‘пурпур’, сл. *šed'* ‘серость’ на фоне обычной выражаемости признака цвета в этих языках прилагательными, а также в отдельных случаях к созданию специфической для его языка формы, максимально конденсирующей и обобщающей признак какого-либо состояния, например, ч. *tragično* и сл. *tragické* ‘сфера или чувство трагического’.

Эстетическое освоение мира, осуществляемое человеком посредством языка, заключается в раскрытии всех потенций слова –

его формы, словообразовательной структуры и всего того, что связано с его семантикой, т.е. с объективной действительностью, работой человеческого разума, способного на ассоциации, сравнения, переносы наименований, из чего рождаются тропы – метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, парафраза и т.д. В чешском языке, например, слово *rov* в прямом значении – это ‘насыпанная куча земли’, *kvás* ‘смесь для приготовления теста’, а чешское слово *rozsévač* или словацкое *rozsievač* обозначают просто ‘сеятель’. Одухотворение человеком этих простых земных объектов, которые стоят за указанными словами, позволяет увидеть в них другие объекты: вместо насыпанной кучи земли могилу для слова *rov*, в смеси для приготовления теста – кипение жизни для слова *kvás* и наконец, в сеятеле – просветителя для слова *rozsévač/rozsievač*, что сопровождается приобретением исходными наименованиями новых духовных смыслов книжной окраски. Приведенные примеры демонстрируют эстетизацию простого земного на лексико-семантическом уровне посредством вторичной номинации. Наряду с этим духовное возвеличение объектов реального мира может находить поддержку и в словообразовательной структуре слова. Большим разнообразием средств характеризуется, например, эстетизация прошлого, которая может находить отражение, к примеру, на лексическом уровне в форме таких книжных наименований, как *děd* или *kmet* в чешском и *děd* и *kmet'* в словацком – все в значении ‘старец’, где прошлое олицетворяет наименование старейшего члена рода – ч. *děd* – сл. *ded* или племени ч. *kmet* – сл. *kmet'*; на морфологическом уровне – в форме таких книжных наименований, как ч. *břímě* – сл. *bremä* в значении ‘бремя’ или ч. *bydlo* как ‘житье’, где идею прошлого передают устаревшие для сегодняшнего дня суффиксы *-mě/-mä* и *-dlo* со значением абстрактности, но в других случаях эстетизацию прошлого может передавать и устаревшая основа слова, как например, у чешского высокого слова *kolbiště* ‘ристалище’, восходящего к архаизму *kolba* ‘рыцарский турнир’. Поэтизация прошлого может проистекать также из контекстуальной связан-

ности употребления слова, освященного традицией, на что указывает, например, книжное в чешском и словацком языках слово *bázeň* ‘боязнь’ на фоне их стилистически нейтрального синонима *strach*.

Наряду с прошлым и простым человеку свойственно восторгаться также малым, что тоже может проявляться как на лексическом (ч. *ratolest* – сл. *ratolest’* ‘чадо’; *krúpěj/kropaj* ‘капля’, ч. *ro-bě* ‘дитя’, сл. *junač* ‘молодежь’), так и морфологическом (ч. и сл. *ramec* ‘рамка’, ч. *rouška* – сл. *rúško* ‘маска’, ч. *truhlice* ‘шкатулка’, *řetězec* ‘цепь’) уровнях лексики.

В системе каждого языка находит отражение связь лексических единиц не только по линии их денотативных значений, но и по их коннотациям. Систему коннотаций каждого языка можно соотнести с языковой картиной мира, изучению которой в последнее время уделяется значительное внимание (Радбиль 1995, Арутюнова 2000).

Формирование средств выражения высокого чувства, приподнятости происходит в языке под воздействием того, что видят люди вокруг себя; это прежде всего окружающая людей природа. Живя в гармонии с окружающей природой, народ и автор произведения „заимствуют у нее наиболее значимые элементы в качестве образов и символов – средств создания художественной реальности” (Гусев 1995, с. 146).

В общественном духовном сознании чехов широко отражен, например, растительный мир окружающей их природы и прежде всего лес, который в древности покрывал преобладающую часть территории Чехии (Třeštík 1975, с. 10). Чехи воспевают лес, для которого в их языке существует два высоких слова — *bor* и *hvozd*. Слово *bor* в чешском языке обозначает преимущественно сосновый лес, с чем согласуется и его форма, связанная с наименованием сосны – *borovice*. Закреплению в сознании чехов за словом *bor* признака возвышенности способствовало, вероятно, употребление его в тексте гимна Чешской Республики, написанного в первой половине XIX в. чешским поэтом и писателем Й.К.

Тылом (1808–1856): *Voda hučí po lučinách, b o r y šumí po skalínách*. Слово *bor*, с вариантом *bór*, в современном словацком языке обозначает прежде всего сосну, но может употребляться и расширительно, как ‘сосновый лес’. Однако ни слово *bor* с его вариантом *bor*, ни один из пяти синонимов со значением ‘лес’: *les, hora, haj, luh, tajga* (*Synonymický...* 1995, с. 235) в общественном сознании словаков не окрашено возвышенной тональностью, если не считать обычного для словаков *hora* ‘лес’, которое по форме, однако, соотносится не с понятием леса, а с понятием возвышенности.

Слово *hvozd*, отсутствующее как высокое в современном словацком языке, в чешском языке обозначает большой густой лес, навевающий ассоциации с длительным преодолением препятствий на пути по такому лесу, что само по себе уже достойно быть возвеличенным и воспетым. Вместе с тем стилистическая высота у слова *hvozd* могла появиться от тематической близости его с другими словами, имеющими по происхождению отношение к лесу.

Среди таких наименований в чешском языке выделяется прежде всего глагол *klestit*, обозначающий в своем исходном осмыслении ‘обрубить, обрезать ветки’. В этом основном первичном значении глагол *klestit* соотносится с поведением человека, проходящего сквозь густой лес и прокладывающего дорогу устранением с пути сучков и веток. Перенос этого глагола из ‘лесной’ сферы в сферу общественной жизни способствовал появлению у глагола *klestit* значения ‘прокладывать путь, быть первопроходцем’, освященного высоким гражданским пафосом (*klestit cestu pokroku* ‘прокладывать путь прогрессу’).

Не исключено, что к лесу по своему происхождению имеет отношение также и другой современный книжный чешский глагол *razit* с той же прямой и переносной семантикой, что и у глагола *klestit*. Импульсом для прямого значения *razit* ‘прокладывать путь в лесу’ могло послужить существительное *ráz* в устаревшем в настоящее время значении ‘удар’, т.е. первоначально выраже-

ние *razit cestu* ‘прокладывать путь’ могло соотноситься с прикладыванием пути в лесу ударами топора.

Наличие высоких слов для выражения понятия прокладывания пути свидетельствует об актуальности для чешского народа идеи борьбы на протяжении его исторического развития и о стремлении более выразительно отразить эту борьбу в языке. В словацком языке соответствующие глаголы *klesniť* и *raziť*, не лишённые отмеченного для чешского языка переносного значения, тем не менее не несут ореола возвышенности.

Линия семантико-стилистического развития от темы леса к выражению идей борьбы, отмеченная для глаголов *klestiť* и *raziť*, просматривается в чешском языке также у стилистически высокого прилагательного *trnitý* ‘тернистый’, например, *trnitá cesta* ‘тернистый путь’, эквивалент которого в словацком языке – *trnitý* – также выступает без маркера возвышенности.

На связь с растительным миром с целью выражения понятий, соотносимых с духовной сферой, указывают в чешском языке и такие книжные наименования, как например, *haluz* ‘ветвь’ (*haluz rodu, národa*), *býlí* ‘былье’ от *byl* ‘стебель’ или *býlí* ‘растение’, *třeskot (třeskot zbrani)*, восходящее к звукоподражательному *třesk*, в котором слышится лесной треск или хруст, ср. также *tříška* ‘щепка’, *rozštěp* ‘раскол’. В словацком языке наименованиям *haluz*, *bylie*, *treskot*, *rozštep* не свойственна отмеченная для чешского языка высокая стилистика. Значение ‘ветка’, например, в современном словацком языке может быть выражено словами *konár*, *vetva*, *haluz*, *druk*, *rózga*, *chabina*, *ratolest’*, *vetvica*, *sněť*. Книжностью, однако, в этом ряду окрашено лишь одно, общее с чешским языком слово ч. *ratolest* – сл. *ratolest’* ‘отросток, побег’, которое в обоих языках используется также по отношению к младшему члену семьи, т.е. к ребенку, чаду. Для стилистически нейтральных наименований *konár*, *vetva*, *haluz*, *druk*, *rózga* в словацком языке характерны незначительные семантические отличия, употребление слова *chabina* ‘сломленная ветка’; сопровождается экспрессией, а диалектизм *sněť* и экспрессив *vetvica* засвидетельствова-

ны как высокие только в авторском употреблении (соответственно у Тимравы и Подъяворинской; *Synonymický...* 1995, с. 207).

В чешском языке значительно больше книжных слов, выражающих традиционные для европейской литературы понятия и выступающих как „лексические маркеры европейской поэтической традиции” (Шайкевич 1999, с. 63). Помимо, например, таких высоких чешских существительных со значением ‘душевная боль, страдание’, как *sůžba, tesknota, tužba*, которым в словацком языке соответствуют близкие по форме и семантике и книжные же наименования *sůžba, stesk, túha*, стилистической возвышенностью в чешском окрашены дополнительно *hoře, běda, bol, kalvárie, trýzeň*, в то время как в словацком языке в высокой сфере выступает преимущественно лишь одно слово *žalost'*, правда, зато со всеми своими основными производными – *žalostit', žalostivý, žalovat', žiaľny*, причем некоторые из последних имеют соответствия также и в чешском возвышенном языке, например, *žalostný*. Все слова, кроме *hoře*, из приведенного чешского ряда слов со значением ‘душевная боль, страдание’ функционируют в лексической системе также словацкого языка, где, однако, *beda* – это междометие ‘Горе!’, *bieda* означает ‘нищета’ или ‘заботы, хлопоты’; *trýzeň* и *bol' (ból)* относятся к стилистически нейтральным образованиям (хотя сл. *bólno*, как и ч. *bolný* и *bolestný*, отмечены книжностью), а *kalvária* выражает экспрессию. В целом синонимический ряд слов со значением ‘душевная боль, страдание’ в словацком языке необычайно обширен, но преобладают в нем стилистические нейтральные наименования, часто общие с чешским языком (ч. *trápení* и сл. *trápenie*), или слова иной стилистической ориентации (например, устаревшее *obida*), или высокие слова, отражающие индивидуально-авторское, а не общественное эстетическое восприятие.

Чешская и словацкая лексика, маркированная высокой коннотацией, содержит довольно много общих, т.е. близких по форме и семантике, слов со сходными переносными значениями, например, ч. *brázdít* и сл. *brázdit'*, ч. *kořenit* и сл. *korenit'* ‘иметь проис-

хождение', ч. *ramcovat* и сл. *rámcovat* 'ограничивать'. В отдельных же случаях, однако, один и тот же образ носители чешского и словацкого языков фиксируют по-разному. Соотнесенность, например, верхней части церковного храма, его свода или купола с небесной сферой в словацком языке нашла отражение в высоком слове *báň* 'небесный свод', от *báň* 'свод', в то время как у чехов эта связь проявилась в глаголе *klenout se*, от *klenba* 'свод', закрепившемся в их сознании как постоянный компонент в обозначении радуги (*duha se klene*), часто воспеваемой в фольклоре, прозе и поэзии.

В целом же семантический перенос более типичен и характерен для чешских высоких слов, чем для словацких. В чешском языке больше слов, которые в высокой сфере выступают в ином, переносном по сравнению с общеупотребительным чешским языком значении, причем с более выразительным отрывом от исходного, чем в словацком языке, например, ч. *bádat* 'размышлять' (< *bodat* 'колоть'), *list* 'письмо' (< *list* 'часть растения'), *ražení* 'характер' (< *razit* 'чеканить'), *rozpríst* (*rozhovor*) (< *příst* 'прясть'), *plísnit* 'ругать' (< *plíseň* 'плесень'); сл. *koristit'* 'грабить' (< *kořist* 'добыча'), *íáženie* 'военный поход' (< *táhat* 'тянуть, тащить'), *tvrdza* 'крепость, цитадель' (< *tvrdý* 'твердый, крепкий').

В высокой сфере словацкого языка в свою очередь, как представляется, более выразительно выступает форма слова, которая, возможно, несколько в большей степени, чем в чешском языке, несет эстетическую нагрузку, что и составляет отчасти специфику словацкой языковой картины мира, по сравнению с чешской. Форма слова в словацком языке несколько чаще, чем в чешском языке, оказывается самодостаточной для выражения высоты. Такие словацкие книжные наименования, как например, *hlahol* 'звон колоколов', *hlaholit'* 'звенеть (о колоколах)' или *húst'* 'играть на каком-либо музыкальном инструменте', восходящие к междометиям, как представляется, более ярко отражают мир звуков, по сравнению с такими высокими же чешскими словами, как например, заимствованное в своей основе *tónina* 'специфическая осо-

бенность чего-либо' или *píseň* 'стихотворение, поэма', которые тоже „родом“ из мира звуков, но отражают его более опосредованно. Возможно, более выразительное отражение в языке восторженного отношения к звукам связано у словаков с наличием на их территории гор, усиливающих впечатление от звуков.

Понятие высокого слова тесно связано с развитием материальной основы литературного языка, т.е., по В.В. Колесову, „с массивом образцовых текстов“ (Колесов 1999, с. 21), который складывается у народа на протяжении веков. Вследствие того, что чехи за один только XIV в. написали, пожалуй, больше на своем языке, чем словаки на своем до конца XVIII в., формирование у словаков своего собственного, словацкого ощущения и понимания высокого слова началось лишь с середины XIX в., когда они начали писать на едином кодифицированном Л. Штуром языке. И первым шагом на пути выработки своего собственного, словацкого понимания возвышенности слова явилось отношение словаков к богемизмам, т.е. заимствованиям из близкородственного чешского языка, которые в самом большом на сегодняшний день толковом шеститомном словаре словацкого языка выступают именно как книжные наименования. Интерпретация словаками богемизмов в своем языке как высоких слов отражает большую роль чешского языка именно для письменной сферы словацкого языка. Вместе с тем трактовка богемизмов как книжных слов способствовала выведению заимствований из близкородственного чешского языка за пределы стилистически нейтрального общеупотребительного словацкого языка, что для словаков на первом этапе развития литературного языка было очень важно, чтобы получить основу для противопоставления устной и письменной форм речи, на которой можно в дальнейшем шлифовать и оттачивать стилистическое варьирование, которое складывается в процессе использования своего собственного языка на письме, что в более активной мере происходило в прошлом у чехов, чем у словаков. Чешское происхождение большинства словацких высоких наименований представляет собой самую яр-

кую особенность разряда книжных слов в словацком языке, по сравнению с чешским.

Таким образом, словацкая книжная лексика в своей основе носит преимущественно заимствованный характер. То же самое, однако, по существу, можно сказать и о чешской книжной лексике. Это сходство объясняется временем формирования книжного пласта их лексики, которое для чехов и словаков совпало с периодом их национального возрождения в начале XIX в., когда на щит были подняты идеи былого славянского единства, и словари чешского и словацкого языков стали бурно обогащаться заимствованиями, но теперь уже не из латыни, немецкого или венгерского языков, как прежде, а из братских славянских языков. Чешский язык заимствовал в этот период высокие слова преимущественно из русского (Лилич 1982); для словацкого языка было естественным принимать слова главным образом из близкородственного чешского, которые были высокими уже вследствие того, что были богемизмами, а по форме лишь незначительно отличались от существующих параллельно словацких наименований, ср. например, чешские стилистически нейтральные обозначения *obličej*, *řadit*, *šeřit se* и их словацкие книжные корреляты в тех же значениях *obličaj*, *radit'*, *šeřit sa*.

Словацкая лексика XX в., особенно последнего времени, обнаруживает более ускоренную динамику своего развития, по сравнению с чешским языком. В сфере высокой лексики словацкого языка заметно стремление создать вместо богемизмов как бывших носителей признака стилистической приподнятости, свой, словацкий фонд возвышенных наименований путем возрождения древних форм (например, *obecat'* 'посвящать', от *obět'* 'жертва' или *odľazitiť* 'абстрактный') или образования новых (*odprírodnit' sa* 'утратить человеческую сущность').

Таким образом, как представляется, для книжности мало формы, семантики и переноса значения. Для наделения слова ореолом возвышенности необходимо, вероятно, чтобы все это было

связано с какой-либо высокой духовной идеей, закрепленной в произведении искусства и увековеченной в памяти народа.

Сравнение чешских и словацких книжных наименований обнаруживает более высокую степень культивированности, развитости, „натренированности” в выражении высоты у чехов, по сравнению с некоторой расплывчатостью, неустойчивостью, совмещением с переносностью этого выражения у словаков. Более раннее приобщение чехов через свой язык к европейскому литературному процессу (Porák 1983) способствовало более раннему формированию устойчивых традиций высокого стиля, основанных на познании духовного через материальное, на любви к природе, что в свою очередь закладывало фундамент для эстетизации общественного сознания чехов.

4. Экспрессивная лексика современного чешского и словацкого языков

К экспрессивной лексике относятся наименования, в семантике которых кроме объективно-понятийного признака „представлены в разных комбинациях компоненты оценочного, эмоционального, образного и интенсивно-количественного характера, органически связанные друг с другом” (Кузнецова 1989, с. 186). Без коннотативной лексики не может обойтись ни один язык. Номинативная и коннотативная лексика так же тесно связаны друг с другом, как разум человека с его чувствами.

Коннотативная лексика в историческом аспекте, как правило, не исследуется. Вероятно, это объясняется прежде всего объективными причинами – в памятниках письменности она представлена в высшей степени скупо. Вместе с тем сопоставление экспрессивной лексики чешского и словацкого языков позволяет, на наш взгляд, увидеть движение и в этой части словаря.

Представляется, что общественно-осознанная экспрессивная лексика народа, находящая отражение в словарях общепотребительного языка, отличается консерватизмом своего развития, что на первый взгляд может показаться парадоксальным, так как

в живой речи экспрессивы могут возникать на каждом шагу. Этот консерватизм, по-видимому, объясняется тем, что для выражения чувств, в отличие от понятий, часто достаточным оказывается единственно звук, который с определенной семантикой закрепляется в национальном сознании. Недаром экспрессивы часто образуются от междометий. В каждом языке есть звуки, наиболее предрасположенные, по сравнению с другими, нейтральными, к выражению чувств и эмоций. Если развитие языка идет в направлении от выражения чувственного к выражению интеллектуального, что относится и к лексике, то экспрессивный ее разряд по времени формирования должен быть очень древним. Эту древность можно проследить на примере анализа формы чешских и словацких экспрессивов и их семантики. По форме некоторые из них связаны еще с праславянской системой склонения имен (ч. и сл. *babra* 'копуша, размазня'), а по семантике подавляющее большинство экспрессивов представляет собой слова, характеризующие человека по разным признакам: внешнему виду (ч. и сл. *hrbáč* 'горбун'), внутренним качествам (ч. и сл. *nadutec* 'гордец, спесивец') и т.д., что и составляет, вероятно, исходное ядро всей экспрессивной лексики.

Изменения в номенклатурной стороне коннотативной лексики во времени, как представляется, связаны с тем, на что обращено выражение эмоций и оценки у носителей чешского и словацкого языков в процессе исторического развития. Если на более ранних этапах этого развития коннотация преимущественно охватывает сферу быта, семьи, человеческих отношений, обеспечения жизнедеятельности человека вообще, то в дальнейшем появляются интеллектуальные коннотативы, отражающие все более широкое вовлечение индивидуального сознания носителей чешского и словацкого языков в общественное. В связи с этим в чешском языке, возможно, несколько больше экспрессивов второго типа, а в словацком первого. Словацкий язык большую часть своей истории просуществовал в форме свободных диалектов, основу которых составляет живая, не связанная никакими ограничениями народ-

ная речь, что и наложило отпечаток на коннотативную лексику, которая в словацком языке, в отличие от чешского, характеризуется, например, более интенсивным использованием звукового состава или более широким распространением такого явления, как конвертируемость словообразовательных формантов: например, суффикс *-k* в словацком языке выступает средством выражения экспрессии на уровне всех знаменательных частей речи (сл. *chvilka, bol'kat', milký, tiško*), а не только существительных, как в чешском.

Сравнение внешней формы чешских и словацких экспрессивов показывает, что звуковая или фонетическая выраженность экспрессии более ярко, отчетливо и активно проявляется в словацком языке, чем в чешском. Это обеспечивается не в последнюю очередь, тем, что словацкий язык обладает большим, чем чешский, количеством звуковых возможностей для выражения экспрессии (кроме общих с чешским языком шипящих *č, š, ž*), словацкий имеет *ľ, dz, dž, g*.

Выраженность экспрессии на словообразовательном уровне тесно связана с грамматическим строем языка. Средством выражения отношения человека к называемому явлению в структурном плане выступают чаще всего разнообразные суффиксы.

Для выражения эмоционально-оценочного отношения широко используются как специфические коннотативные суффиксы, так и суффиксы, общие с денотативной системой. В отличие от чешского языка, где, например, суффиксы отвлеченных понятий *-ava, -ina, -ost* не имеют соответствующего коррелята в коннотативной системе, в словацком языке экспрессивную функцию выполняет один из этих суффиксов, а именно *-ava* (сл. *húšťava, páľavá, vušává*), который одновременно обслуживает и денотативную систему словацкого языка наряду с суффиксами *-ina* и *-ost'*.

Рассмотрение экспрессивов с точки зрения их структуры в чешском и словацком языках позволяет отметить, что в коннотативной системе словацкого языка шире, чем в чешском, задействованы средства денотативной словообразовательной и морфо-

логической системы языка, в то время как чешский язык активнее проявляет внутреннюю смысловую насыщенность, отчетливо проступающую в процессах, близких к явлениям вторичной номинации

Выражение экспрессии на лексико-семантическом уровне связано с явлением вторичной номинации на основе тропа, имеющего характер метафорического переноса. В словацком языке, например, названия музыкальных инструментов, таких, как *basa* 'контрабас' или *harfa* 'арфа', часто употребляются по отношению к полным женщинам. Однако в целом представляется, что коннотация на основе тропа более характерна для чешского языка, где несколько больше подобных экспрессивов (*babince, ced'ak, huňáč, mazany*), по сравнению со словацким языком. В системе двух близкородственных языков именно коннотативная система в наиболее значительной степени отражает своеобразие и специфические особенности каждого языка, так как именно коннотация, в отличие от номинации, более тесно связана с таким емким понятием, как человеческая оценка.

5. Неологизмы современного чешского и словацкого языков

Развитие лексики во времени обеспечивается главным образом постоянным притоком новых слов. Неологизмы обнажают механизмы развития лексики, которые впоследствии скрываются временем. Они показывают, что проходило это развитие всегда, во все времена и что стимулировало это развитие движение вперед во времени. Неологизмы свидетельствуют о том, что движущими силами развития языка вообще и лексики в частности выступают изменения в объективной реальной действительности, в процессах ее познания человеческим разумом, подвижек в уровне национального самосознания носителей языка, а также в развитии самого языка. Неологизмы – это наименования конкретного явленного времени, каковыми были когда-то историзмы и архаизмы, из которых, однако, со временем выветривается аура или атмосфера жизни в определенный момент истории и они

постепенно превращаются в атрибуты памяти. Чем древнее слово, тем более скрыты от нас начальные этапы его жизни в языке, что, наоборот, особенно ярко демонстрируют неологизмы, которые преимущественно и изучаются именно в аспекте вхождения их в систему действующего языка.

Среди неологизмов современного чешского и словацкого языков, как и среди чешских и словацких историзмов и архаизмов, много иноязычных слов, но только теперь – это уже не германизмы или мадьяризмы, а слова английского происхождения. Однако, неологизация лексики в определенные периоды ее развития обеспечивается, главным образом, не вхождением в нее абсолютно новых чужих слов, но прежде всего процессами преобразования своих старых наименований. В связи с этим интересно отметить, что как среди архаизмов, так и среди неологизмов преобладают словообразовательные варианты к уже существующим словам, что способствует продолжительной стабильности исконной лексики по сравнению с заимствованной в процессе исторического развития языка.

Лексические неологизмы современного чешского и словацкого языков, в том числе заимствования, исследуются, как правило, в рамках их лексико-частеречной характеристики (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, устойчивые обороты) с выделением в каждом из отмеченных разрядов наиболее продуктивных в настоящее время как сходных, так и отличительных для чешского и словацкого языков словообразовательных моделей.

Семантическая неологизация словаря современного чешского и словацкого языков проявляется в образовании у слов новых значений, что также отмечено как сходными (ч. *oslovit* и сл. *oslovit*), так и отличительными для чешского и словацкого языков реализациями (ч. *hlušina* и сл. *adept*).

Неологические процессы в чешском и словацком языках характеризуются активизацией употребления в недавнем прошлом пассивной лексики (ч. *nařknout* и сл. *profesijny*). Однако наиболее

яркое выражение неологизация словаря современного чешского и словацкого языков находит в стилистической раскрепощенности слов, в сближении устной и письменной форм речи, в образовании разговорных неологизмов (ч. *drsňák* и сл. *domovák*) что стало возможным с демократизацией всей общественной жизни чехов и словаков в конце XX в. При этом чешские разговорные неологизмы, активно проникающие и в письменную речь, обнаруживают большее разнообразие словообразовательных типов, чем словацкие. В чешских стилистически маркированных неологизмах (просторечия, эмоционально-экспрессивные выражения, сленг, вульгаризмы, каламбуры и т.д.) также шире, чем в словацких, используются заложенные в языке выразительные потенции. Вместе с тем в целом, как представляется, возрастает самостоятельность и независимость в образовании и употреблении новых слов в словацком языке, чему в немалой степени способствуют и изменения в условиях контактирования словацкого языка с чешским, сложившихся после разделения Чехословакии на два независимых государства.

* * *

В целом можно сделать вывод, что в процессе исторического развития форма чешских слов претерпела более существенные изменения, по сравнению со словацкими, что углубило различия между языками чехов и словаков. Анализ лексики чешского и словацкого языков показывает, что в языковом сознании словаков отражается та историческая особенность, что вследствие неблагоприятных общественно-политических условий, по существу, они не писали на родном общенациональном языке до XVIII в. В истории чешского народа также был трехвековой период существования в условиях общественно-политической несвободы, характеризовавшийся менее активным использованием чехами своего национального языка, ограничением сфер его употребления, ослаблением норм. Однако чехи подошли к этому периоду с высоко развитым литературным языком, нормы которого были

закреплены в Кралицкой Библии. Возрождение чешского национального языка, начавшееся с конца XVIII в., было направлено на восстановление расшатавшихся за предшествующий период норм его письменной формы.

Й. Добровский, кодификатор современного чешского литературного языка, узаконил для письменного общенационального чешского языка формы языка Кралицкой Библии, чем, по существу, и была восстановлена прервавшаяся связь времен в общественно-национальном сознании чехов. Период же неполноценного функционирования чешского языка в эпоху Габсбургской монархии вызвал к жизни такой феномен чешской языковой действительности, как *obecná čeština*. Возникшая как среднечешский интердиалект, *obecná čeština* активно развивается, приобретает черты общезтнического средства устного общения и в определенной степени конкурируя с кодифицированным литературным языком.

Словаки подошли к концу XVIII в. с тремя культурными диалектами, которые формировались в словацком языковом пространстве на протяжении XV–XVIII вв. Их общественно-национальное сознание в этот период не было еще выгранено словацким, в языковом проявлении оно было чешско-словацким, так как писали словаки на языке с чешской основой. В штуровский период, по сути, впервые произошло основное функциональное разделение на устную и письменную форму языка словацкого этноса. До Л. Штура языковое сознание словаков определялось преимущественно устной формой существования их языка.

Основное отличие рассмотренной чешской лексики от соответствующей словацкой заключается в более выраженной функциональной расслоенности и в более четкой стилистической дифференциации слов. Особенностью словацкой лексики является несколько слабее синтаксически дифференцированная полилексия на фоне достаточно отчетливо выраженной полисемии в чешском, что свидетельствует о более широком использовании смысловых потенций лексических единиц в процессе словоупотребления.

Библиография

- Арутюнова Н.Д., 2000, *Наивные размышления о наивной картине мира*. [в:] *Язык о языке*, под ред. Н.Д. Арутюновой, Москва.
- Гусев Л.Ю., 1995, *Метафорическое наименование фольклорного героя как способ выражения эстетического идеала*, [в:] *Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы*, Москва, т. 2.
- Колесов В.В., 1999, *Жизнь происходит от слова...*, Санкт-Петербург.
- Крысин Л.П., 1996, *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни*, [в:] *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, Москва.
- Кузнецова Э. В., 1989, *Лексикология русского языка*, Москва 1989.
- Лилич Г.А., 1982, *Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка*, Ленинград.
- Радбиль Т.Б., 1995, *Языковая картина мира как коррелят классической дихотомии «язык – речь»*, [в:] *Лингвистика на исходе XX века. Истоги и перспективы*, Москва.
- Толстой Н.И., 1988, *История и структура славянских языков*, Москва.
- Шайкевич А.Я., 1999, *Пушкин и Мицкевич: Опыт лексического сравнения*, „Известия РАН СЛЯ” LVIII, N 3.
- Язык и культура. Факты и ценности*, 2001, ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко, Москва.
- Habovštiak A., 1983, *Slova latinského pôvodu v slovenských nárečiach*, „Jazykovedné štúdie” XVIII.
- Kotulič I., 1982, *Z predbernolákovskej slovenskej jazykovednej terminológie*, „Jazykovedné štúdie” XVII.
- Majtán M., 1970, *Slovenské názvy mesiacov*, „Kultúra slova” IV, č. 5.
- Němec I., 1970, *Nová slova Husova a J. A. Komenského*, «Slovo a slovesnost» XXXI.
- Palkovič K., 1974, *O slovenských názvoch mesiacov*, «Jazykovedné štúdie» XII.
- Porák J., 1983, *K stylové diferenciaci v starši češtině*, „Slavica Pragensia” XXVI.
- Skladaná J., 1995, *Štylistické hodnotenie niektorých lexikálnych jednotiek z obdobia 50.–80. rokov*, [in:] *Spisovná slovenčina a jazyková kultúra*, Bratislava.
- Synonymický slovník slovenčiny*. Bratislava 1995.
- Třeštík D., 1975, *O Kosmovi a jeho »Kronice«*, [in:] *Světová četba: Kosmova »Kronika česká«*, přel. K. Hrdina, Praha.